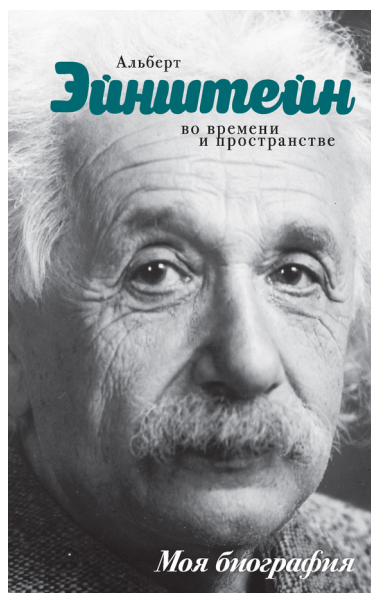

Моя биография

Юрий Сушко

**Альберт Эйнштейн. Во
времени и пространстве**

«АСТ»

2016

УДК 001.894
ББК 72.3

Сушко Ю. М.

Моя биография / Ю. М. Сушко — «АСТ», 2016 — (Моя биография)

Альберт Эйнштейн – человек, повлиявший на ход истории в XX веке. Величайший ученый своего времени открывается перед читателем с неожиданной стороны. В новой книге Юрия Сушко публикуются ранее не известные факты из жизни гениального физика. Они шокируют, возмущают и неожиданно приоткрывают тайну создания советского ядерного оружия, которое и сохранило хрупкий мир после Второй мировой войны.

УДК 001.894
ББК 72.3

© Сушко Ю. М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

$A = X + Y + Z$	6
«Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!»	9
Чудо-пробка для бутылки красного мерло	20
Ульм, Мюнхен, Бавария, 1879-й и другие годы	24
Цюрих, Прага и ...	27
Берлин, 1914 год и далее. Война объявлена. ОТО	32
Danke schon, господин директор Галлер!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юрий Сушко
Альберт Эйнштейн. Во
времени и пространстве

© ООО «Издательство АСТ», 2016

A = X + Y + Z

– Вот, – Эйнштейн положил перед господином директором аккуратную карточку с написанным на ней загадочным уравнением.

– И что сие значит? – Отец-основатель и бессменный директор Бернского федерального ведомства духовной собственности Фридрих Галлер столько уже повидал на своем веку, что напрочь отвык чему-либо удивляться, до блеска отшлифовав технику раскусывания всякого рода патентных загадок.

Он пристально посмотрел на своего молодого сотрудника, технического эксперта III класса Альберта Эйнштейна в ожидании ответа. Этот парень был ему симпатичен, хотя бы потому, что не всегда точно можно было определить, говорит ли он всерьез или слегка подшучивает, настолько порой лукавы были его глаза.

– Господин Галлер, мне наконец-то удалось вывести формулу успеха! – Эйнштейн без тени улыбки смотрел прямо в глаза директору. – Взгляните...

Главный патентовед Швейцарии взял в руки карточку и принялся разгадывать предложенный ребус.

– Итак, «А» – понятно, это успех. Ну а «Х»?

– Труд, работа.

– Дальше...

– «Y» – игра и отдых, а «Z» – умение держать язык за зубами.

– Та-а-к. – Герр Галлер огладил свою седую бороду. – Стало быть, сегодня, дорогой мой, успеха вам уже не видать. Вы проиграли.

– Почему? – изумился Эйнштейн.

– Не умеете держать язык за зубами. Какой же «Z»?! – Суровый педант Галлер даже позволил усмехнуться собственной остроте. – Ладно, ступайте работать. И – держите язык за зубами.

Эйнштейн улыбнулся в ответ и, уже направляясь к двери, не удержался, чтобы не оставить последнее слово за собой: «А знаете, господин директор, я не отчаиваюсь. Потому что знаю: человек, потерпевший поражение, знает о том, как побеждать, больше чем тот, к кому успех приходит сразу».

Занятно, подумал Галлер. Стало быть, все же не зря в свое время я принял его на работу в бюро.

Обычно директор всех кандидатов, которые претендовали на место в его «ведомстве духовной собственности» (так официально именовалось Федеральное бюро), лично подвергал обстоятельному экзамену. Не избежал его и будущий великий теоретик. Собеседование продолжалось не менее двух часов. Для начала доктор-инженер выложил перед конкурсантом несколько свежих патентных заявок и предложил ему высказать свое мнение о них. Пока молодой человек изучал бумаги, директор извлек из папки его заявление, перечитал.

«Я, нижеподписавшийся, настоящим позволяю себе ходатайствовать о поступлении в Федеральное ведомство духовной собственности на должность инженера II класса, вакансия на которую была объявлена в газете «Bundesblatt» 11 декабря 1901 г.

Я получил образование в области физики и электротехники на факультете для преподавателей физико-механической специальности в Федеральном политехникуме в Цюрихе, который посещал с осени 1896 г. и до лета 1900 г. С осени 1900 г. и до весны 1901 г. я жил в Цюрихе и был домашним учителем. В это же время я пополнял свое физическое образование и написал первую научную работу. С 15 мая по 15 июля 1901 г. я был занят на временной работе в техникуме в Винтертуре в качестве учителя математики. С 15 сентября я явля-

юсь домашним учителем в Шафгаузене. В течение первых двух месяцев я написал докторскую диссертацию, посвященную кинетической теории газов, которую месяц тому назад представил во 2-е отделение философского факультета Цюрихского университета...

Я – сын родителей, имеющих немецкое подданство, но с 16 лет живу в Швейцарии, являясь в настоящее время гражданином города Цюриха.

С глубоким уважением подписал:

Альберт Эйнштейн.

Банхоффгассе, Шафгаузен».

В прилагаемой стандартной анкете соискатель так же сообщал о знании немецкого, французского, частично итальянского языков.

Директор положил документы обратно в папку и обратился к Эйнштейну:

– Итак, вы готовы оценить эти заявки?

– Да, господин Галлер.

– Слушаю вас.

Эйнштейн принялся живо излагать замеченные им «про» и «контра» по каждому из предложений изобретателей-самоучек. Доктор сразу обратил внимание на некоторые пробелы в технической эрудиции молодого человека. Все-таки инженер-практик и преподаватель – разные величины. Но едва речь зашла о тонкостях электродинамики Максвелла, Галлер оценил способности потенциального будущего эксперта. Ведь теоретические выкладки Максвелла в ту пору далеко не каждому физика были по зубам.

Когда новый сотрудник вышел, Фридрих Галлер решил проверить свою память и еще раз вернулся к анкете Эйнштейна. Так, этот Альберт родился в Ульме в 1879 году. А Максвелл? Гениальный Клерк Максвелл именно в 1879 году скончался. Господин директор не верил в нумерологию. Но что-то в этом совпадении цифр его заинтересовало. Получается, Максвелл передал этому парню эстафету?.. Мистика. В мистику герр Галлер тоже не верил. И все же...

В тощей папочке с документами Эйнштейна хранилось также письмо от доброго приятеля директора, господина Гроссмана. Владелец крупнейшего завода сельскохозяйственных машин просил старину Фридриха обратить внимание на очень способного однокурсника его сына Марселя, который клялся-божился, что «этот Эйнштейн когда-нибудь будет великим человеком». Прогнозы относительно «величия» господин Галлер решил оставить на завтра, а пока для работы в бюро этот физик вполне годится. И поручим-ка мы ему всю электротехническую ересь изобретательской братии. При этом директор напутствовал Эйнштейна, как и всякого новичка, своей непреложной заповедью: «Вначале считайте, что в заявке все ошибочно, что изобретатель, по меньшей мере, жертва самообмана. Если же это окажется не так, внимательно следуйте за каждым поворотом его мысли. Но не теряйте бдительности!»

В июне 1902 года Альберт Эйнштейн приступил к исполнению обязанностей технического эксперта III класса патентного бюро. И своему товарищу Марселю Гроссману поспешил тут же написать: *«Пожалуйста, передай сердечный привет твоим глубокоуважаемым родным и искреннюю благодарность твоему папе за все его старания, а также за доверие, которое он мне оказал своей рекомендацией».*

Разумеется, Альберт почувствовал себя вполне удовлетворенным. После долгих месяцев мытарств в поисках работы, бесконечных переездов из Милана в Вену, Болонью, Пизу, Геттинген, Лейпциг, где он, как выяснилось, совершенно напрасно предлагал свои услуги местным университетам, после унижительного безденежья, вынужденной (по 20 франков в месяц) экономии во имя накопления нужной суммы (1000 франков) для получения швейцарского гражданства, душу выматывающих домашних уроков (по 3 франка за урок) он наконец-то получил стабильную, интересную, весьма перспективную и престижную, судя

по обещанному жалованью (на уровне университетской профессуры (3500 франков в год), работу.

Спустя много лет Эйнштейн, вспоминая свою службу в галлеровской «конторе», называл ее «настоящим благословением». И говорил: «Иначе я если бы и не умер, то зачах духовно».

«Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!»

«Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!», – заверял свою возлюбленную Милеву пылкий Альберт. – *Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания... Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне».*

С Милевой Марич они познакомились на ступеньках Цюрихского политехникума, который все – от первокурсников до преподавателей – нежно называли «Поли». Озиравшийся по сторонам Альберт едва не натолкнулся на девушку, которая тоже выглядела немного растерянной.

– Ой, простите, ради Бога!

– Это вы меня простите. Я зазевалась... А вы, случайно, не знаете, как найти шестое отделение физики и математики?

– Не знаю, – развел руками Альберт. – Но мне, к счастью, туда же. Давайте поищем вместе...

В аудиторию педагогического факультета первокурсники Альберт Эйнштейн и Милева Марич вошли вместе. И уселись рядом за одним столом.

Девушка оказалась молчуньей, держалась обособленно и поначалу ничем особенным себя не проявляла. Многим она казалась излишне скромной, замкнутой и застенчивой. Лишь познакомившись с Милевой поближе, Альберт узнал, что она сербка, родом из Воеводино. Отец ее долгое время служил в армии, потом стал чиновником, успешно занимался судебной практикой. Милева была старше 17-летнего Эйнштейна на целых четыре года. Но разница в возрасте не смущала ни его, ни ее. И очень скоро он стал обращаться к ней «Мицца», как называли ее в детстве родные.

– Ты знаешь... – призналась Милева Альберту, когда он на мгновение оторвался от ее губ. – Ну, погоди же! Успокойся... Так знай же, в школе у меня было прозвище – «Наша святая».

– Правда? – удивился Альберт. – И за какие же такие заслуги?

– За высокие оценки и прилежное поведение.

– Да, они были правы. Мне тоже очень нравится твоё поведение, – сказал Альберт и вновь заключил девушку в объятия. – К тому же я еще никогда в жизни не целовал святых!

– Да? А грешниц? – Она без особого желания попыталась освободиться.

– Что грешниц?

– Многих ли ты грешниц целовал?

– Не помню.

– Врун!

Но Альберт тут же перевел разговор в другое русло: «А чем ты занималась после школы?..»

– Ты не представляешь, до чего же мне очень хотелось продолжать учиться! К счастью, родители тоже были только за то, чтобы я получила высшее образование. Долго судили-рядили, советовались, в итоге выбрали Швейцарию. Во-первых, безупречная репутация здешней высшей школы. Во-вторых, тут нет этой дикой дискриминации в отношении девушек, как в некоторых других странах. Хочешь получить диплом – пожалуйста, учись на здоровье. Главный критерий: знания, а не твоя половая принадлежность...

– Да, с этой точки зрения швейцарская высшая школа мне по душе, – усмехнулся Альберт.

– Вот так я оказалась в Цюрихе и поступила в университет. А ты в то время еще бегал в свою школу, – укорила его Милева. – Только сначала я выбрала медицинский факультет, хотела стать психиатром. Но уже после первого семестра поняла, что физика и математика мне гораздо ближе медицины.

– Молодец! – одобрил Альберт. – Ты заслуживаешь моего поцелуя!

«Как прекрасно это было в последний раз, когда ты позволила прижать мне себя, такую дорогую и маленькую», – потом написал он своей Мицце.

* * *

Что же касается «грешниц»...

Когда у Альберта окончательно испортились отношения с преподавателями Мюнхенской гимназии и дальнейшие перспективы представлялись чрезвычайно туманными, он даже собрался бросить учебу и попросил знакомого врача-психиатра выдать ему справку о необходимости полугодового академического отпуска для восстановления здоровья. Но руководство гимназии его опередило, за год до выпуска сказав ему: «Aufviederzeen!»

Недолго думая, он решил отправиться к родным в Италию, которые к тому времени перевели туда свою фабрику. Там он сообщил им о своем решении самостоятельно подготовиться к поступлению в Цюрихский политехникум, а заодно отказаться от германского гражданства, чтобы не загреметь на службу в армию.

Но при попытке поступления на педагогический факультет Цюрихского политехникума Альберт потерпел фиаско, с позором провалив экзамены по ботанике, зоологии и французскому языку. Правда, ректор господин Альбин Герцог, которого вполне удовлетворили успехи абитуриента по математике, физике, пообещал в следующем году принять его в институт. А это время посвятите другим общеобразовательным дисциплинам, порекомендовал он. И обязательно получите аттестат зрелости. До встречи через год!

Завершать образование Альберт отправился в кантональную школу в швейцарском городке Аарау, совсем неподалеку от Цюриха. Там ему предложил кров и стол школьный преподаватель греческого языка и истории Йост Винтелер.

Год учебы в Аарау Альберт неизменно вспоминал с огромной благодарностью: *«Сравнение с пребыванием в немецкой гимназии, где царила авторитарность, отчетливо показало мне, насколько воспитание, основанное на свободе действий и чувстве ответственности перед собой, совершеннее воспитания, строящегося на муштре, дутым авторитете, честолубии. Демократия – не пустой звук»*.

Однажды преподаватель французского задал своим ученикам необычную тему домашнего сочинения – «Мои планы на будущее».

– Прошу вас быть откровенными.

И Альберт ничего не собирался скрывать:

«Молодой человек слишком поглощен настоящим, чтобы много размышлять о будущем. Но с другой стороны, именно молодые люди любят строить смелые планы. Кроме того, для молодого человека естественно составлять по возможности точное представление о своих целях и желаниях».

Если мне посчастливится успешно выдержать экзамены, я поступлю в Федеральный институт технологии в городе Цюрихе. Четыре года буду изучать там математику и физику. В мечтах вижу себя профессором этой области естественных наук, предпочитая их теоретическую часть».

Вот причины, побудившие меня избрать этот план. Прежде всего, способность к абстрактному и математическому мышлению, отсутствие фантазии и практической

хватки. Мои желания и склонности ведут меня к такому же решению. Это вполне естественно. Человеку всегда нравится делать то, к чему у него есть талант. К тому же профессия ученого дает человеку известную долю независимости, что очень привлекает меня».

К содержанию исповедального сочинения учитель не имел никаких претензий, но что касается знания французской грамматики... Вот тут Альберт едва-едва избежал провала.

Жизнь в доме учителя Винтелера сулила массу преимуществ. Но главным, помимо чисто бытовых и учебных удобств, оказалось то, что в соседней с постояльцем комнате обитала очаровательная дочь учителя, 19-летняя Мари.

Много позже девушка настойчиво заверяла всех, что «они очень любили друг друга, но их любовь была чистой». Может быть. Но кто знает, вероятно, предаваясь воспоминаниям уже в почтенном возрасте, дама просто не желала откровенничать о своих девичьих шалостях с несовершеннолетним юношей? Во всяком случае, когда Альберт уехал в Цюрих поступать в местный политехникум, Мари сочла себя до глубины души оскорбленной и покинутой. И никак не могла его забыть: «Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство почиет на мне с тех пор, как обожаемая душа избрала себе обителью мою душу...»

Студент Эйнштейн продолжал трогательно убеждать ее в искренности своих чувств: *«Какое очаровательное письмо, оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала необходима мне для счастья. Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир».*

Альберт ничуть не кривил душой, говорил совершенно искренне. Он всякий раз влюблялся раз и навсегда. Но столь же быстро и без сожалений остывал.

Много-много лет спустя у многомудрого Эйнштейна как-то вырвалось признание: *«Очень скоро я устану от теории относительности. Даже такая **страсть** улетучивается, когда ей уделяешь слишком много внимания...»* Хотя, конечно, нет, в своей страсти к физике Эйнштейн был куда более постоянен, нежели в любви к женщинам.

Мари же продолжала беречь его душу: «Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя... Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма».

* * *

Итак, со второго захода Альберту все же удалось покорить Цюрих и стать студентом Поли, все-таки диплом кантональной школы давал право поступления с определенными преимуществами. И тут же появилась еще одна причина для поддержки хорошего настроения: из Ульма он получил справку, что более не является германским (точнее, вюртембергским) гражданином.

Но зато сколько огорчений доставляли неприятности, которые просто преследовали его родителей. Прогорела семейная фабрика в Павии, потом им пришлось свернуть все свои коммерческие дела в Милане.

Альберт писал сестре Майе: *«Больше всего меня угнетают денежные невзгоды моих родителей. Меня глубоко удручает, что я, взрослый человек, вынужден стоять в стороне сложа руки, incapable оказать хоть какую-нибудь помощь. Я стал обузой для семьи... Лучшие бы мне вовсе не родиться на свет. Порою одна лишь мысль поддерживает меня и*

не дает мне впасть в отчаяние – я всегда делал все, что в моих маленьких силах, и ни в нынешнем, ни в минувшем году не позволял себе никаких забав и развлечений, за исключением тех, которые связаны с моими занятиями».

Впрочем, попозже, когда положение семьи Эйнштейн несколько стабилизировалось, в его письмах к Майе уже проскальзывают оптимистические нотки: *«Мне приходится много работать, но все же не чересчур много. Время от времени удается выкроить часок и побездельничать в живописных окрестностях Цюриха. Я счастлив при мысли, что худшее для моих родителей уже позади. Если бы все жили, как я, не было бы приключенческих романов...»*

В студенчестве Альберта тяготило одиночество. Он нуждался если не в друзьях, то хотя бы в собеседниках или в человеке, который бы смог его выслушать и услышать.

Оценивая свои молодые годы, Эйнштейн был вполне самокритичен, если не обращать внимания на легкую иронию: *«Я вскоре заметил, что мне придется удовлетвориться ролью посредственного студента. Для того, чтобы быть хорошим студентом, надо обладать даром легкого усвоения, желанием сосредоточить свои силы на всем, что вам преподносят, любовью к порядку; чтобы записывать все, что сообщается на лекциях, я затем добросовестно прорабатываю это. Все эти качества начисто отсутствовали у меня, что я и вынужден был с сожалением констатировать. Так я постепенно научился уживаться с (в какой-то степени) нечистой совестью и устраивать свое учение так, как это соответствовало моему интеллектуальному пищеварению и моим интересам. За некоторыми лекциями я следил с напряженным вниманием. В основном же я много прогуливал, чтобы со священным трепетом штудировать дома корифеев теоретической физики. Это само по себе было не плохо, но способствовало также тому, чтобы настолько ослабить угрызения совести, что душевное равновесие уже не испытывало сколько-нибудь серьезных нарушений. Интенсивные самостоятельные занятия были просто продолжением прежней привычки; в них принимала участие сербская студентка Милева Март, на которой я впоследствии женился».*

Безусловно, не относя Альберта к числу прилежных студентов, отдадим должное: от развеселых пирушек он все же по возможности старался уклоняться, ссылаясь на авторитетное мнение канцлера Бисмарка: «Пиво делает людей глупыми и ленивыми». Но когда избежать дружеских посиделок было невозможно, компании никогда не портил. Хотя себя он и считал человеком, у которого «нет потребности часто встречаться с людьми», время от времени Альберт коротал вечера за кофе, покуривая сигару, в застольной болтовне с однокурсниками, успевая при этом усердно ухаживать за податливыми девушками.

– В сравнении с этими бабами любой из нас – король, – уверял он своего приятеля Мишеля Бессо. – Потому что мы стоим на своих ногах, не ожидая чего-то извне. А эти вечно ждут, что кто-то придет, чтобы удовлетворить все их потребности. Не тоскуй, дружище!

Из Цюриха Альберт по-прежнему отсылал свое грязное белье Мари. И девушка покорно исполняла странную прихоть бывшего возлюбленного, передавая назад с оказией или по почте аккуратные посылочки с идеально выстиранным и отглаженным бельем.

Зная, насколько крепко заражена верная Милева вирусом ревности, Альберт на всякий случай лукаво сообщал ей о своем отношении к этой девушке из Аарау: *«Сейчас я защищен крепостными стенами своего спокойствия и чувствую, что я почти в безопасности. Но я знаю, что стоит мне увидеть ее еще несколько раз, и я утрачу контроль над собой. Я в этом уверен и боюсь этого как огня».*

Дабы сохранить добрые отношения с четой Винтелер, некогда приютивших его, он обратился к фрау Паулине, «матушке № 2», с любезными и донельзя туманными объяснениями по поводу несчастной Мари: *«Я испытываю своеобразное удовлетворение оттого, что сам отчасти разделяю боль, которую причинило нашей милой девочке мое легкомыс-*

лие и непонимание того, насколько она хрупка и ранима. Напряженная интеллектуальная работа и стремление постигнуть замысел Господа – эти дарующие силу и утешение, но бесконечно строгие ангелы, которые проведут меня невредимым сквозь все несчастья. Если бы я мог поделиться их утешительными дарами с нашей милой девочкой! И все же – какой это странный способ переносить жизненные бури: в минуты просветления я кажусь себе страусом, прячущим голову в песок, чтобы избежать опасности. Человек создает себе крошечный мир, и каким бы жалким и незначительным этот мир ни был по сравнению с вечно переменчивым величием подлинной жизни, человек чувствует себя в нем чрезвычайно большим и значительным, в точности как крот в своей норе. Но стоит ли очернять себя, если это, когда потребуется, сделают другие?..»

Мари страдала, и, в конце концов, напереживалась до такой степени, что даже угодила на лечение в психбольницу. К счастью, скоро поправилась. Потом вышла замуж и даже родила сына, который, как ей казалось, был очень похож на неверного, но такого милого Альберта...

* * *

А вот у Милевы, как оказалось, был тот еще, мужской характер. Узнав, что знаменитый и неприступный Гейдельбергский университет наконец снял табу, соизволил открыть свои двери и впустить наконец женщин в науку, она без всяких сомнений оставила Цюрих и отправилась в Германию.

Душевные, возвышенные разговоры с Альбертом теперь Мицца вынужденно продолжала уже в эпистолярном жанре: «Я сомневаюсь, что человек способен постигнуть понятие бесконечности, потому что таково устройство его мозга. Он понял бы, что такое бесконечность, если бы в юные годы, то есть тогда, когда формируются его представления и способности к восприятию, ему позволили дерзко устремить свой ум в просторы мироздания, а не удерживали бы его дух, как в клетке, в пределах интересов к земному или, хуже того, в четырех стенах застойной провинциальной жизни. Если человек способен поразмышлять о бесконечном счастье, он должен уметь постигнуть бесконечность пространства – я думаю, второе куда проще сделать...»

Находясь на вынужденном расстоянии, Альберт писал ей: «*Как мог я только жить раньше, ты мое маленькое всё. Без тебя мне не хватает уверенности в себе, страсти к работе, и жизнь не в радость – короче, без тебя мне и жизнь не жизнь*». Сообщая возлюбленной о своих научных изысканиях, Альберт постоянно сбивался на лирический лад: «*Я изучил также прекрасные места из Гельмгольца по поводу атмосферных движений – от страха перед Вами и, между прочим, к собственному удовольствию. Сразу же добавлю, что я хотел бы вместе с Вами просматривать всю историю... Когда я читал первый раз Гельмгольца, я не мог поверить, как не могу до сих пор, что Вы не сидите со мной рядом. Совместно работать с Вами я нахожу прекрасным и полезным, работа идет спокойнее и кажется мне менее скучной*».

В своих любовных посланиях он иногда называл ее «Долли», а она его – «Джонни».

«Мой милый Джонни, потому что мне так дорог и ты так далек от меня, что я не могу тебя поцеловать, я пишу тебе, чтобы спросить, нравишься ли я тебе так же, как ты нравишься мне? Ответь мне немедленно. Целую тебя тысячу раз. Твоя Долли».

Сразу после зимнего семестра «маленькая беглянка» все же вернулась из Гейдельберга назад, в Цюрихский политехникум, или скорее – к Альберту. Они стали жить вместе, и сердце Альберта перестало завидовать подушке Милевы.

Требовательность к себе студентки Марич порой поражала даже преподавателей. Ее не удовлетворял строго очерченный академический курс, и она, как говорится, с головой

зарылась в старые книги и новейшие научные издания в поисках свежих идей. Чтобы не отстать от подруги, Альберт стал самым прилежным читателем университетской библиотеки. Мысли, которые высказывал юный студент по поводу современных научных изысканий, звучали для нее мелодиями любовных признаний. И то, с каким кротким вниманием она внимала его словам, покорило Альберта. Именно это, а далеко не живость ума или привлекательная внешность, коими Милева, мягко говоря, не обладала, окончательно сблизило молодых людей.

Хотя кто знает, если бы в Поли учились и иные представительницы прекрасного пола, не исключено, что выбор симпатичного и любвеобильного парня по имени Альберт мог бы пасть на кого-нибудь из них, а вовсе не на Милеву?..

Но Мицце-Долли была рядом, стоило только протянуть ладонь, чтобы почувствовать исходящее от нее тепло. Она действительно была идеальной партнершей для Эйнштейна, безошибочно понимавшая его научный говорок. К тому же была какой-никакой, но все же женщиной, в нежности и ласках которой он постоянно нуждался: *«Целую тебя повсюду, где ты мне разрешаешь»*.

Отправившись к родным в Италию, Альберт засыпает возлюбленную нежными письмами: *«Ты обязательно должна приехать сюда, моя очаровательная волшебница. Потеряешь немного времени и доставишь мне небесные наслаждения»*.

Милева, разумеется, откликнулась на зов будущего гения (в чем она абсолютно уверена) и явилась наяву. А после он с восторгом вздыхал: *«...Приятные воспоминания о том, как счастлива ты была в наш последний день, проведенный вместе, не покидают меня. Так что позволь мне поцеловать твой маленький ротик, чтобы не дать уйти этому счастью!»*

* * *

По окончании Поли Альберт оказался единственным из выпускников 6-го отделения физики и математики, оставшимся без каких-либо реальных видов на трудоустройство. Получив диплом преподавателя математики и физики, он остался как бы «вольным художником».

По-разному толкуют факт, что дипломированному специалисту Эйнштейну не предложили поработать в политехникуме. Кто-то говорил, что виной тому его неукротимый атеизм. Ведь юноша, заполняя анкету, в графе «религиозная принадлежность» написал: «Никакой религии». Другие говорили о том, что у него отсутствовали какие-либо преподавательские или аналитические способности. Сам Эйнштейн видел корень зла в ином: *«Я был третируем моими профессорами, которые не любили меня из-за моей независимости, и закрыли мне путь в науку»*. Во всяком случае, таковым являлся профессор Вебер, руководитель кафедры, на которой учился будущий отец общей теории относительности. Почтенный ученый наотрез отказался оставить у себя на работе молодого вольнодумца, который в нарушение всех норм и правил осмеливался обращаться к нему не «господин профессор», а просто «господин Вебер», как к простолудину, какому-то зеленщику или почтальону. Но главное – господин профессор отказывал Альберту в праве на свободомыслие и самолюбие. Однажды он сказал ему: «Вы умный малый, Эйнштейн, очень способный малый, но у вас есть большой недостаток – не терпите замечаний».

Руководителя физической лаборатории, профессора Жана Перне раздражало, что студент Эйнштейн при проведении тех или иных экспериментов начисто игнорировал стандартные, проверенные годами методические инструкции и пытался действовать самостоятельно, путем проб и ошибок. Зачем?! Перне даже советовал ему оставить в покое физику и заняться чем-нибудь другим, например, медициной, юриспруденцией или безопасной филологией.

– Но у меня же к этому нет призвания, господин профессор! – услышав это предложение, удивился юный Эйнштейн. – Почему бы мне все-таки не попытать счастья в области физики?

– Как хотите, молодой человек, – насупился Перне. – Я только хотел вас предостеречь, это в ваших же интересах.

Даже голос влиятельного профессора математики Германа Минковского, высоко ценившего способности своего студента, не помогло Эйнштейну избавиться от прилипчивого ярлыка нерадивого и крайне неучтивого юноши. Хотя профессор, конечно, нередко сам поругивал Эйнштейна за склонность к прогулам и как-то, не сдержавшись, даже назвал его «ленивым щенком». Однако позже ощутимо помог Альберту в формулировании математического аппарата специальной теории относительности в терминах четырехмерного пространства-времени.

(Как утверждают некоторые дотошные исследователи биографии Эйнштейна, в дальнейшую судьбу «вольного художника» активно вмешались таинственные и всемогущие «вольные каменщики». Завистливые современники ученого поговаривали между собой, что именно масоны сумели разглядеть в начинающем амбициозном ученом потенциальную звезду первой величины, и взяли его под свое покровительство).

Тем временем Альберт наконец-то решился поставить в известность о своих сердечных делах родных, не вдаваясь, слава Богу, в интимные подробности. У чувствительного «семейного деспота» матушки Паулины случился обморок. Боже пресвятой: она же тебе не пара, слишком стара, чтобы составить тебе счастье. Он вспоминал, как мама бросилась на постель и, зарывшись в подушки, рыдала навзрыд: «Она такой же книжный червь, как и ты! А тебе нужна жена! Подумай, когда тебе стукнет тридцать, она уже будет старой ведьмой...»

Милева, зная об отношении к ней матери Альберта, говорила: «Как видно, у этой дамы одна цель: испортить как можно больше жизнь не только мне, но своему сыну... Я никогда бы не поверила, что бывают такие бессердечные люди, ведь она же – воплощенная злость!»

Родня Милевы тоже скептически относилась к выбору дочери. Да и однокурсники посмеивались над матримониальными планами Альберта:

– Ты здоров, парень? Где твои глаза?! На кой тебе эта хромоножка? Оглянись, вокруг столько прелестниц! А эта? Малоросла, сутула, угрюма, не говоря уже о невзрачном личике.

– Да отстаньте вы от меня! – отмахивался Эйнштейн. – Вы сами ни черта не смыслите в женщинах. Прихрамывает? Ну и что? Родовая травма, пройдет... Да нет, Милена – это удивительное создание, о которой можно только мечтать... Вы слышали, как она поет? А как рисует?... Да и готовит замечательно! Даже умеет шить себе платья, лишь бы сэкономить лишний франк! У нее есть ум и душа...

Он писал своей ненаглядной Мицце: *«Когда ты станешь моей маленькой женошкой, мы будем вместе заниматься наукой и потому никогда не превратимся в двух старых обывателей, так ведь? Моя сестра показалась мне непроходимо глупой. Только не становись похожей на них – это было бы невыносимо. Ты всегда должна оставаться моей колдуньей и моим уличным сорванцом... Все, кроме тебя, кажутся мне чужими, они отделены от меня невидимой стеной».*

Восторженный юноша, прекрасно разбиравшийся в проблемах времени и пространства, был абсолютным профаном в вопросах куда более прозаических, точнее, физиологических. Милева почувствовала, что беременна, и с естественной радостью сообщила об этом Альберту. Появление будущего ребенка, мягко говоря, озадачило его. К своему отцовству он был совершенно не готов. И мир вокруг внезапно сузился и поблек, теряя краски.

Но Милева решила забросить свою, уже почти готовую диссертацию и отправилась рожать в Нови-Сад. В январе 1901 года на свет появилась девочка, которую называли Лизерль.

Соблюдая приличия, молодой отец интересовался у Милевы: *«Здорова ли она, послушна ли? Какого цвета глазенки? На кого из нас больше похожа?...»*

Правда, в душевной компании друзей он скромно декламировал свежее испеченные, по-баварски брутальные, судя по всему, автобиографичные, очень личные стишки:

И слышать было б мне приятно,
Что я яйцом налево брякнул,
Когда б не боль других людей...

Он не грешил против истины. Но дамы краснели...

Точно такой же неестественный румянец проступал на щеках некой Джулии Ниггли из Аарау, которая, читая письмо Альберта, вспоминала редкие визиты к ней (втайне, конечно, от Мари) вихрастого школяра. А теперь он ее уже покровительственно поучал: *«До чего же странна девичья душа! Неужели вы действительно верите, что сможете обрести безмятежное счастье через другого человека, даже если этот человек один-единственный любимый мужчина? Я близко знаком с этим животным по личному опыту, ибо я один из них. Я точно знаю, что от них нельзя многого ожидать. Сегодня мы грустны, завтра веселы, послезавтра холодны, затем опять раздражительны и усталые от жизни – да я чуть не забыл о неверности и неблагодарности, и эгоизме – о том, что нам присуще в значительной степени, чем милым девушкам...»*

* * *

Появление на свет наследницы оставалось тайной за семью печатями даже для самых близких товарищей Эйнштейна. Во всяком случае, когда Милева вернулась к нему в Швейцарию, ребенка при ней не было. Лизерль взяли на воспитание дальние родственники Милевы.

В силу тогдашних пуританских нравов ребенок, рожденный вне брака, считался незаконнорожденным. А учитывая, что в тот момент Эйнштейн рассчитывал на получение швейцарского гражданства и престижную работу в государственном бюро, сей факт считался крайне нежелательным. Моральный облик потенциальных кандидатов на гражданство тщательно проверялся специальными детективами.

Правда, для родителей Милевы, истовых католиков, поступок дочери (с молчаливого согласия так называемого отца ребенка) был ударом. И они потребовали от нее немедленно уйти прочь от этого жестокосердного Альберта.

Однако проклятия Маричей-старших и трагическая потеря дочери (Лизерль умерла еще в младенчестве во время эпидемии скарлатины и как внебрачная и некрещеная, была безымянно похоронена) не имели особого значения для Милевы. Она по-прежнему любила своего Альберта, молилась на него, верила в его счастливую звезду и мечтала о свадьбе. «Мой Бог, – заверяла его она, – как прекрасен будет мир, когда ты увидишь меня своей маленькой женой».

Ее даже не смутили условия «брачного контракта» или «меморандума», сочиненного Альбертом.

*«Ты заботишься о том,
– чтобы моя одежда и белье содержались в аккуратном состоянии;
– чтобы я три раза в день получал в свою комнату надлежащим образом сервированную еду;
– чтобы моя спальня и рабочий кабинет содержались постоянно в порядке, особенно чтобы мой письменный стол был только в моем распоряжении.*

Ты отказываешься от всех личных отношений со мной, соблюдение которых не является обязательным в обществе. В частности, ты отказываешься:

- от того, чтобы я сидел при тебе дома;*
- от того, чтобы я с тобой выходил в свет или путешествовал.*

Особенно обязуешься ты в общении со мной обращать внимание на следующие пункты:

- ты не должна от меня ожидать нежностей и высказывать мне какие-либо упреки;*
- ты должна немедленно прекращать обращенную ко мне речь, если я об этом прошу;*
- ты должна немедленно покинуть мою спальню или кабинет, если я об этом прошу;*
- ты обязуешься ни словами, ни действиями не унижать меня в глазах моих детей».*

6 января 1903 года после скромной процедуры бракосочетания в Бернском муниципалитете, отужинав в кабачке вместе с «веселыми академиком» (из родных жениха и невесты никто не присутствовал), молодожены отправились домой, на съемную квартиру, у дверей которой выяснилось, что незадачливый супруг где-то (видимо, на работе) позабыл ключи. А молодая жена так мечтала о первой законной брачной ночи! Пришлось будить сварливую хозяйку дома...

Вскоре он с восторгом сообщал Мишелю Бессо, одному из своих друзей: *«Теперь я добродетельный женатый человек, веду с женой очень приятную и уютную жизнь. Она умеет позаботиться обо всем, прекрасно готовит и все время в хорошем настроении».* Самые радостные чувства переполняли и Милеву. Своей самой близкой подруге Элен Савич она признавалась: *«Сейчас я к нему, к моему сокровищу, привязана еще больше (если это вообще возможно), чем когда мы жили в Цюрихе. Он мой единственный друг и товарищ, мне не нужно другое общество, и часы, когда он со мной рядом, это счастливейшее время в моей жизни».*

Все видели: Милева отважно делила с Эйнштейном годы нужды и создавала ему для работы по-богемному не устроенный, но все-таки сравнительно спокойный домашний очаг. Многочисленные гости, дневавшие и, бывало, ночевавшие в их доме, благодарно говорили о хлебосольстве и сдержанности Милевы.

Правда, уже через несколько лет Эйнштейн уже признавался, что женился из чувства долга, а Милеву называл «женщиной необычайно отвратительной». Как тут не вспомнить классическое: «Мама была права!»?

Смирившиеся родители Милевы после свадьбы подарили молодоженам солидную сумму, и наконец-то можно было относительно спокойно вздохнуть. Однако...

Случилось то, что случилось. Когда Милева с ужасом обнаружила, что вновь беременна, она долго собиралась с силами, чтобы сообщить Альберту: *«Милый, мы были неосторожны...»* К ее удивлению, он отнесся к известию спокойно и с пониманием: *«Я ни в коем случае не сержусь на мою маленькую Долли, которая начала вынашивать нового маленького птенчика. Я очень счастлив этому и уже думал по этому поводу. В конце концов, ты же не должна отрицать, что это совершенно естественно для женщины».*

В 1904 году в семье Эйнштейна родился сын Ганс Альберт. А потом, в 1910-м – Эдуард.

Но главным плодом «любви роковой» для ученого все-таки стало создание теории относительности в 1905 году! В первой статье, посвященной броуновскому движению, он предсказывал движение взвешенных в жидкости частиц, обусловленное столкновением с молекулами. Во второй работе, посвященной фотоэффекту, Эйнштейн высказал революционную гипотезу о природе света: при определенных обстоятельствах свет можно рассматривать как поток частиц, фотонов, энергия которых пропорциональна частоте световой волны. Практически не нашлось физиков, которые согласились бы с этой идеей. Но через два десятилетия экспериментально картина фотонов стала общепризнанной в рамках кван-

товой механики. И наконец, в сентябрьском номере журнала «Анналы физики» появились статья Альберта Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», а затем целая обойма публикаций с изложением основных идей специальной теории относительности.

В обеденное время и по вечерам приятели, коллеги, заглядывая на Крамгассе, 49, где обосновались Эйнштейны, нередко наблюдали, как молодой папаша Альберт, зажав в зубах сигару, левой рукой покачивал коляску с плачущим младенцем, а правой огрызком карандаша вносил правки в очередную статью. О чем? Автор пока помалкивал.

Друг юности Бессо стал первым, кому Эйнштейн решился рассказать о своей теории относительности. Это было справедливым. Ведь свою статью «К электродинамике движущихся тел» первооткрыватель релятивизма резюмировал так: «В заключение отмечу, что мой друг и коллега М. Бессо явился верным помощником при разработке изложенных здесь проблем и что я обязан ему рядом ценных указаний».

Еще одному «олимпийцу» Конраду Габихту Альберт с едва скрываемой гордостью писал: *«Между нами длилось священное молчание, и то, что я его прерываю малозначительной болтовней, покажется кощунством... Ну, а вообще, что делаете вы, замороженный кит, высохший и законсервированный обломок души? Почему вы не присылаете мне свою диссертацию? Разве вы, жалкая личность, не знаете, что я буду одним из полутора парней, которые прочтут ее с удовольствием и интересом? За это я вам обещаю прислать четыре свои работы. Первая посвящена излучению и энергии света и очень революционна, как вы сами убедитесь, если сначала пришлете мне свою работу. Вторая работа содержит определение истинной величины атомов. Третья доказывает, что согласно молекулярной теории тепла тела величиной порядка 1/1000 мм, взвешенные в жидкости, испытывают видимое беспорядочное движение молекул. Такое движение взвешенных тел уже наблюдали физиологи – они называли его броуновским молекулярным движением. Четвертая работа пока еще находится в стадии черновика, она представляет собой электродинамику движущихся тел и меняет представление о пространстве и времени».*

Попутно Эйнштейну удалось вывести еще один замечательный закон: *«Радость видеть и понимать – есть самый прекрасный дар природы».* Не менее полная и глубокая формула, чем магическая $E = mc^2$, где все предельно просто: E – энергия, m – масса (для состояния относительного покоя), а c^2 – постоянный множитель, численно равный квадрату скорости света. То есть по мере того, как предмет начинает двигаться быстрее, масса его растет. И количественная мера материи в любой ее физической форме – масса – пропорционально связана с количественной мерой движения – энергией. Вам ясно, господа?

Умница Милева в письме своей подруге Элен не сдерживала чувств: «Я счастлива, что к нему пришел успех, которого он действительно заслуживает. Остается только пожелать, чтобы слава не испортила его как человека, я очень на это надеюсь».

Он никогда не отрицал, что математическую часть его работ делала Милева, ибо еще в студенчестве он откровенно мало интересовался высшей математикой: *«Мне ошибочно казалось, что это настолько разветвленная область, что можно легко растратить всю свою энергию в далекой провинции, к тому же по своей наивности я считал, что для физика достаточно твердо усвоить элементарные математические понятия и иметь их готовыми для применения, а остальное состоит в бесполезных для физики тонкостях, – заблуждение, которое только позднее с сожалением осознал. У меня, очевидно, не хватало математических способностей, чтобы отличить центральное и фундаментальное от периферийного и не принципиально важного».*

Говоря, что тогда ему «еще не было ясно, что путь в глубины теоретической физики связан с самыми сложными математическими расчетами», Эйнштейн надеялся списать этот грех на ошибки молодости, отсутствие опыта... Но ведь и в зрелом возрасте он нередко позволял себе довольно бесцеремонное обращение с математической наукой. Споря с инжене-

ром Ферье о жестких правилах и законах математики, в качестве аргумента Эйнштейн выложил на стол перед своим оппонентом пять спичек.

– Каждая спичка имеет длину шесть с половиной сантиметров. Какова суммарная длина этих пяти спичек?

– Тридцать два с половиной сантиметра, – вздохнул Ферье.

– Это вы так считаете, – покачал головой физик-теоретик. – А вот я в этом сильно сомневаюсь. И вообще, не верю я в математику...

Позже одному из своих ассистентов Эйнштейн мимоходом ехидно заметил: *«Математика – единственный совершенный способ водить самого себя за нос»*.

Чудо-пробка для бутылки красного мерло

– Ну что, коллега Эйнштейн, может быть, вам удастся разгадать эту головоломку, а? – Один из экспертов подошел к рабочему столу Альберта и протянул ему бумаги с какими-то корявыми чертежами и диковинную пробку для винной бутылки. – Хотя, конечно, это не совсем ваш профиль, далекий от электротехники, но все же полюбуйтесь на досуге... Кстати, а что это вы сделали со своим столом?

– Со столом? – Альберт с удивлением посмотрел на сослуживца. – Да ничего особенного. Просто взял ножовку и подпилит ему ножки. Вот и все. Зато мне теперь очень удобно. Знаете, надоело возиться с этой «тонкой регулировкой» крышки, никак не удается установить нужный градус наклона. Вот и укоротил передние ножки, и получилось нечто вроде конторки-бюро. Правда, напоминает дирижерский пюпитр, верно? Очень удобно работать стоя, поверьте. Кроме того, не надо тратить время на каждодневные «упражнения» по методу господина директора... Ну, давайте ваши бумаги. У меня как раз образовалась свободная минутка...

Старший эксперт положил на наклонную крышку стола чертежи и бутылочную пробку.

– Это притащил нам местный крестьянин из пригорода. Говорит, что его чудо-пробка позволяет абсолютно точно дозировать количество жидкости, которая выливается из бутылки. До грамма. Но мы никак не можем уяснить, в чем тут секрет.

– А бутылка-то у вас есть? – Эйнштейн взял пробку и начал пристально ее рассматривать под разными углами.

– С вином – нет. А пустую найдем, – кивнул эксперт. – Если, конечно, наша фрау Марта утром не выбросила ее на помойку.

...Эйнштейн наклонил бутылку с водой над пустой рюмкой и стал считать капли, которые просачивались через заковыристые «поры» необычной пробки. Вокруг собралась небольшая группа любопытствующих сослуживцев. Когда рюмка наполнилась, экспериментатор поднял ее, зачем-то понюхал содержимое, даже посмотрел на свет, словно надеясь на дне обнаружить истину. Потом выплеснул содержимое в горшок с чахлым цветком, и повторил «опыт».

– Больше можете не проверять, коллега. Точность изумительная. Мы пробовали эту пробку-агрегат, испытывая самые разные жидкости, – признался кто-то.

– Да-да, я вам верю, – задумчиво сказал Эйнштейн. И пошутил: – Хотя, мне кажется, для алкогольных напитков эта штука вряд ли потребуется, тут глазомера и опыта виночерпия вполне достаточно... А вот... Пойдите, господа! Кажется, я все понял! Это специфический капиллярный эффект... В свое время я этой проблемой интересовался довольно обстоятельно, еще прозябая домашним учителем в Цюрихе. Именно капиллярным эффектам была посвящена моя первая научная работа. Все очень просто! А где, кстати, наш изобретатель?

– Послезавтра обещал наведаться.

– Тогда я возьмусь за подготовку патентного свидетельства. Да и саму заявку надо бы переоформить, как полагается, иначе...

Директор одобрил документы, но, прежде чем подписать свидетельство, еще раз вернулся к тексту самой заявки. Потом вопросительно взглянул на Эйнштейна:

– Довольно грамотно составлена, убедительно. Это он сам готовил?

Молодой эксперт не стал хитрить и признался, что заявку переписал он:

– Господин Галлер, вы же сами говорили, что нам необходимо помогать людям. А умение правильно излагать мысли я перенимаю у вас.

Доктор поморщился: «Прекратите мне льстить». – «Отнюдь, – возразил Альберт. – Я всегда говорю чистую правду... Почти всегда».

Бернский крестьянин действительно, как и обещал, через день прибыл в бюро. И не с пустыми руками. Он прихватил с собой еще несколько образцов своих удивительных проб-дозаторов и пятилитровую бутылку доброго мерло – «для чистоты эксперимента».

По такому поводу сотрудники ведомства духовной собственности во главе с господином доктором Галлером собрались в большой комнате на третьем этаже и торжественно вручили герою официальное свидетельство – патент на изобретение. Когда господин директор удалился к себе, ошеломленный, вне себя от счастья бернский самоучка тут же предложил «коллегам» испытать замечательные возможности уникальной пробки путем дегустации своего замечательного домашнего вина. Что и произошло.

Впрочем, тот эпизод с чудо-пробкой был лишь невинным исключением, редкой забавой и для Эйнштейна, и для всех сотрудников бюро. Свободного времени на подобные мелочи у экспертов практически не было. Не зря же Альберт называл себя и своих коллег «батраками», «патентными рабами», а само бюро – «светским монастырем». Но, тем не менее, уверял: *«После восьми часов работы остается восемь часов на всякую всячину, да еще есть и воскресенье»*.

Приступая к своим обязанностям, Эйнштейн, прежде всего, занялся ликвидацией своих технических пробелов, на которые указал ему доктор Галлер. С директором шутки были плохи. Один из коллег Альберта – Флюкигер рассказывал: «В условиях строгого патриархального уклада, царившего в руководимом Галлером Бюро патентов, у Эйнштейна не оставалось времени для его научных исследований: он должен был усваивать технические чертежи. Только в свободное от работы время он мог удовлетворять свое научное любопытство и трудиться над статьями. Здесь это просто необходимо отметить, чтобы рассеять легенды, согласно которым должность Эйнштейна в Бюро была синекурой, и он доставал из ящика своего стола сочинения и занимался ими между делом».

Директор господин Галлер вызывал к себе подчиненных особым звонком, звук которого приводил всех в состояние оцепенения: кто станет жертвой в этот раз? Впрочем, Альберт вполне успешно приноковался к жесткому характеру и требованиям патрона и неоднократно повторял: «Директор Галлер – чудесный человек и светлая голова. К его резкому тону быстро привыкаешь. Я его глубоко уважаю».

Доктор Галлер также похвально отзывался о своем эксперте и рекомендовал Федеральному совету квалифицировать его уже как эксперта II класса: «В настоящее время он относится к числу наиболее высоко ценимых экспертов бюро. Зимой он получил звание доктора философии Цюрихского университета. Потеря этого еще молодого человека была бы для руководства бюро чрезвычайно нежелательной».

А ко «всякой всячине» Альберт относил, конечно же, «Академию Олимпии». Даже спустя десятилетия Альберт Эйнштейн напоминал своему другу юности Морису Соловину: «Хорошее было время тогда в Берне, когда мы учредили нашу веселую академию, которая была менее ребяческой, нежели те почтенные академии, с которыми я близко познакомился позднее».

Компания «веселых академиков» образовалась, в общем-то, стихийно. Однажды молодой румынский студент Морис Соловин, «славный Соло», постигавший в университете основы философии, заинтересовался объявлением в местной газете, в котором некто Эйнштейн приглашал всех желающих на частные уроки по физике («Пробные уроки – бесплатно»). Морис, еще окончательно не определившийся, кем же он хочет стать в будущем – философом, физиком или кем-то еще – соблазнился и отправился по указанному адресу. Позвонил в дверь и тотчас услышал громкое приглашение:

– Прошу!

Я был поражен необычайным сиянием его глаз, вспоминал Соло свои первые впечатления о хозяине квартиры. «Учитель» и «ученик» проговорили несколько часов, и Эйнштейн

в итоге сказал: «Вам не надо обучаться физике, мой друг. Просто приходите ко мне, когда захотите. Я буду рад пообщаться с вами». Вскоре к друзьям присоединился Конрад Габихт, который приехал в Берн завершать математическое образование. Чуть позже в компании появился Мишель Бессо, который, по мнению Эйнштейна, был «лучшим резонатором новых идей». Частым гостем чуть позже стал младший брат Габихта Пауль, который прекрасно варил кофе по-турецки, а с «президентом» Эйнштейном мастерил прибор для измерений малых напряжений. (К слову, для братьев Габихт «академические» вечера и ночи не прошли даром: помимо потенциал-мультипликатора, они создали немало других интересных технических новинок, а Пауль к тому же получил четыре патента на совершенствование кофеварки).

«Уроки физики» быстро превратились в многочасовые дискуссии по самым разным мировоззренческим проблемам. Морис предложил своим новым друзьям вместе читать и обсуждать наиболее интересные книги. Молодые люди собирались после работы или учебы, вслух читали «Этику» Баруха Спинозы, «Трактат о человеческой природе» Давида Юма, «Анализ ситуаций» и «Механику в ее историческом развитии» Эрнста Маха, «Науку и гипотезу» Анри Пуанкаре... Последняя книга произвела на молодых людей настолько сильное впечатление, что, как рассказывал Соловин, в течение нескольких недель они не могли прийти в себя.

Кроме того, предметом их внимания становились шедевры мировой литературы – «Антигона» Софокла, «Дон Кихот» Сервантеса, произведения Диккенса, Расина. «Прочитывалась одна страница, – вспоминал Соло, – иногда только пол страницы, а порой только одна фраза, после чего следовало обсуждение, которое, если вопросы были важными, могло затянуться на много дней».

Мишель (Микельанджело) Бессо, сотрудник патентного бюро, об атмосфере, царившей в их среде, отзывался в высшей степени поэтически: «Этот орел на своих крыльях поднял меня – воробья – на большую высоту И там воробышек вспорхнул еще немного вверх».

Жаркие споры и дискуссии нередко затягивались на всю ночь. Трапезничали скромно: сосиски, сыр грюйер, фрукты, чай. Летом они иногда отправлялись в горы, окружавшие Берн, и встречали там рассвет. Романтик Соловин вспоминал: «Вид мерцающих звезд производил на нас сильное впечатление и вдохновлял на разговоры об астрономии. Мы были зачарованы медленным приближением солнца к горизонту, которое, наконец, появлялось во всем великолепии, чтобы залить мистическим розовым светом Альпы». Потом они ждали, пока откроется любимое кафе, расположенное тут же, в горах, выпивали по чашечке черного кофе и спускались вниз. Пора было идти – кому на службу, кому – в университет. А расставаться так не хотелось...

Свои дружеские «посиделки» или философские ужины друзья решили окрестить «Академией Олимпии». Президентом единогласно избрали Альберта, несмотря на то, что он был моложе других «академиков». А Соло даже изготовил особый диплом «Академии», на котором под связкой сосисок красовался профиль Эйнштейна, увенчанный пышным «титолом»: «Человек невероятно эрудированный, обладающий исключительными, изысканными и элегантными познаниями, с головой погруженный в революционные исследования космоса».

Даже на склоне лет Альберт Эйнштейн не забывал об «академических» уроках и, пафосно обращаясь как бы к самой мадам «Академии», заявлял: «Ваши члены создали вас, чтобы посмеяться над вашими давно созданными инфантильными сестрами-академиями. Насколько точно их ирония попала в цель, я смог вполне убедиться за долгие годы тщательных наблюдений».

«Академики» любили розыгрыши, острое словцо. Однажды Габихт укрепил на двери квартиры «президента» табличку с надписью «Albert Ritter von Steissbein», переводимую как

«Рыцарь Задницы» (при этом Steissbein было так созвучно Scheissbein (фекалии), что сами шутники покатывались со смеху.

Милева? Да, она изредка присутствовала на заседаниях «Академии Олимпии». Но, как отмечали «академики», была необщительна, слушала внимательно, однако никогда не вмешивалась в мужские разговоры. И лишь изредка про себя вздыхала: как можно так безрас-судно тратить время?..

Хотя тогда ей больше всего хотелось восстановить прежние, нежные и доверитель-ные, отношения с Альбертлем, вытащить его из этого швейцарского, насквозь, как ей каза-лось, гнилого буржуазного болота, найти для него достойное преподавательское место. «Мы попытались найти где-нибудь работу, – сообщала она своей сербской подруге. – Как ты думаешь, люди нашего типа могут найти что-нибудь в Белграде?» Милева говорила, что они согласны на любую работу, могут преподавать что угодно – даже немецкий язык в школе...

* * *

«Всякую всячину» Альберт распространял также и на бесконечно таинственный мир музыки, которая становилась для него подлинной страстью. В период работы в бюро он при каждом удобном случае музицировал в любительском квинтете, состав которого был весьма разношерстен: собственно, сам физик-эксперт, юрист, математик, переплетчик и тюремный надзиратель.

Ульм, Мюнхен, Бавария, 1879-й и другие годы

– Герман, мне кажется, я скоро сойду с ума. Нашему Альбертлю уже скоро семь, а он до сих пор говорит только «да», «нет», «хочу», «не хочу»... Разве это нормально? По-моему, он просто умственно отсталый.

– Прошу тебя, Паулина, не надо так волноваться. Перерастет, – пытался успокоить жену Герман Эйнштейн. – Он вполне нормальный, здоровый, крепкий парень. Не переживай. Ну хочешь, давай еще раз съездим к герру доктору, пусть еще обследует нашего мальчика.

– Хорошо, я согласна.

Мать всю жизнь казнила себя за слова, которые непроизвольно вырвались у нее, когда она впервые увидела своего младенца на руках акушерки: «О, Боже, какого же уродца я произвела на свет!»

Эйнштейн-старший ничего не сказал, а утром следующего дня отправился зарегистрировать свидетельство о рождении сына:

«№ 224. Ульм, 15 марта 1879 г. Сегодня торговец Герман Эйнштейн, проживающий в Ульме, Ванхофштрассе, 135, иудейского вероисповедания, лично известный, предстал перед нижеподписавшимся регистратором и заявил о рождении ребенка мужского пола, нареченного Альбертом, в Ульме, по месту его жительства, от жены Паулины Эйнштейн, урожденной Кох, иудейского вероисповедания, марта 1879 г. в 11 ч. 30 мин. утра. Прочел, подтвердил и подписал Герман Эйнштейн. Регистратор Хартман».

Вскоре молодая чета перебралась в Мюнхен. Отец, забросив свое производство перин, на новом месте попытался с братом Якобом организовать новое предприятие по изготовлению водопроводной и газовой аппаратуры. Через несколько лет братья решили открыть фабрику по производству динамо-машин, дуговых ламп и электроизмерительного оборудования для муниципальных электростанций и сетей. Мама же всецело занималась домом и музыкой.

Развитие юного Альбертля крайне беспокоило родителей. Мальчик явно отставал от своих ровесников, до трех лет вообще не говорил. Только с шести лет стал повторять следом за родителями заученные односложные, короткие фразы: «Иду гулять» – «Спокойной ночи» – «Доброе утро» – «Кушать» – «Не буду» – «Не хочу».

Еще больше их тревожили необъяснимые припадки гнева, которые время от времени волной накатывали на Альберта. И в такие моменты лицо его становилось совершенно желтым, а кончик носа бледнел. Как правило, свою злость Альберт срывал на своей младшей сестре Майе. Однажды он швырнул в нее кегельным шаром, в другой раз едва не пробил ей голову детской лопаткой. Врачи отмечали в мальчике признаки легкой формы аутизма, самопогружения в собственный мир.

Он не любил играть с ровесниками. Его излюбленные занятия требовали самостоятельности, терпения и целеустремленности. Без этого никак нельзя было построить карточный домик или стройный колодец из спичек.

– ...И все-таки я с тобой не согласен, Полли, – горячился Герман. – Кстати, Якоб тоже говорит, что с нашим Альбертлем все в порядке. О какой отсталости ты говоришь? А компас?.. Ты помнишь, Паулина, как его заморозила магнитная стрелка? Он же часами наблюдал за ее поведением.

Матушку, конечно, больше тревожил аппетит сына, его внешний вид, поведение и здоровье, нежели какой-то дурацкий компас. А Альберт еще долго-долго помнил те свои дет-

ские впечатления: *«То, что стрелка вела себя так определенно, никак не подходило к тому роду явлений, которые могли найти себе место в моем неосознанном мире понятий (действие через прикосновение). Я помню еще и сейчас – или мне кажется, что я помню, – что этот случай произвел на меня глубокое и длительное впечатление. За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое. Человек так не раз реагирует на то, что видит с малых лет. Ему не кажется удивительным падение тел, ветер и дождь, он не удивляется луне и тому, что она не падает, не удивляется разнице между живым и неживым».*

Когда в шесть лет родители надумали обучать его игре на скрипке, мальчик безмерно страдал и вымещал злость на учителях-мучителях. Бывало, даже кидался на преподавательницу, вооружившись складным стульчиком. Но со временем ненависть к урокам музыки чудесным образом растаяла, и уже с 14 лет Альберт со своим альтином стал участвовать в домашних концертах. Музыка спасала его от ипохондрии.

Этот элегантный музыкальный инструмент, которому Эйнштейн дал имя Лина, в часы покоя возлежал на шелковом покрывале, укутанный в особый шерстяной «пуловер». Моцарт, Бах, Шуберт, Шуман были безоговорочными кумирами Эйнштейна и в юности, и в зрелом возрасте. Фортепьяно молодой человек освоил позже самостоятельно и частенько импровизировал.

В Мюнхенской гимназии с учебной программой он, в общем-то, справлялся, переходя из класса в класс, но занятия его мало интересовали, как, впрочем, и обычные школьные забавы. Он даже слыл среди одноклассников непроходимым тупицей и тугодумом. Своих преподавателей Альберт раздражал независимым поведением, но особенно замедленной речью. Детей здесь муштровали, они маршировали, а учителя не вразумляли учеников, а отдавали команды. Это была не школа – казарма. С презрением вспоминая годы своего мюнхенского школярства, Эйнштейн говорил: «Учителя в начальной школе казались мне сержантами, а в гимназии – лейтенантами». А «лейтенанты» качали головами и мрачно предрекали: «Из вас, Эйнштейн, никогда ничего путного никогда не выйдет».

Однажды классный руководитель, не сдержавшись, мечтательно признался Альберту:

– Мне бы так хотелось, чтобы вы покинули нашу школу.

– Но я ведь ни в чем не виноват, господин учитель, – попытался возразить растерявшийся школяр.

– Да, это верно, – печально согласился педагог. – Но одного вашего присутствия в классе, Эйнштейн, уже достаточно, чтобы полностью подорвать уважение к учителю...

Зато, будучи в зрелом возрасте, он получил возможность подтрунивать над любопытными собеседниками, которые интересовались, как это ему удалось создать свою теорию относительности: *«Почему именно я создал теорию относительности? Когда я задаю себе такой вопрос, мне кажется, что причина в следующем. Нормальный взрослый человек вообще не задумывается над проблемой пространства и времени... Я же развивался интеллектуально так медленно, что пространство и время занимали мои мысли, когда я стал уже взрослым. Естественно, я мог глубже проникать в проблему, чем ребенок с нормальными наклонностями».*

Школьное образование его раздражало своей скукой, однообразием, зато уж дома он наслаждался свободой... Он мастерил различные механические модели, дядя Якоб, живший с ними, нередко подсовывал Альбертлю математические задачки и головоломки, и мальчишка бывал по-настоящему счастлив, когда ему удавалось с ними справляться. Якоб пытался внушить племяннику: «Алгебра – очень веселая наука. Когда мы не можем обнаружить зверя, за которым охотимся, мы временно называем его икс, и продолжаем охоту, пока не засунем его в подсумок».

Заметив неподдельный интерес юнца к точным наукам, студент-медик Макс Талмуд, который по вторникам столовался в доме Эйнштейнов, сначала вручил Альберту евклидовы

«Начала», а потом «Силу и материю» Бюхнера и «Критику чистого разума» Эммануила Канта. Вселенная для Альберта перевернулась еще раз – он открыл для себя строгие доказательства геометрии и абстрактные понятия философии. Его временные религиозные настроения куда-то мгновенно улетучились, и он стал исповедовать нечто вроде космической религии неверующего, сохранившуюся в нем навсегда. Эйнштейн вспоминал:

«В возрасте 12 лет я пережил еще одно чудо: источником его была книжечка по евклидовой геометрии на плоскости... Там были утверждения, например, о пересечении трех высот треугольника в одной точке, которые и не были сами по себе очевидны, но могли быть доказаны с уверенностью, исключавшей как будто всякие сомнения. Эта ясность и уверенность произвела на меня неописуемое впечатление».

На том и была поставлена точка (или крест?) на его мальчишеской религиозности: *«Чтение научно-популярных книжек привело меня вскоре к убеждению, что в библейских рассказах многое не может быть верным. Следствием этого было прямо-таки фантастическое свободомыслие, соединенное с выводами, что молодежь умышленно обманывается государством. И это был потрясающий вывод. Такие переживания породили недоверие ко всякого рода авторитетам и скептическое отношение к верованиям и убеждениям, жившим в окружающей меня тогда официальной среде».*

Потерянный религиозный рай юности стал для него первой попыткой освободиться от пут «только личного».

Цюрих, Прага и ...

– Это неправда, господин Эйнштейн. Вы, как всегда, шутите. И замечу вам, это не лучшая ваша шутка!

Получив прошение Альберта об увольнении, господин директор Галлер был ошеломлен: из его бюро не уходили по собственному желанию, неугодных просто увольняли. Причем с «волчьим билетом».

Однако после обстоятельного разговора с господином экспертом II класса Эйнштейном господин Галлер вынужден был сообщить Федеральному совету: «Его уход означает потерю для бюро. Однако г-н Эйнштейн считает, что преподавание и научная работа являются его истинным призванием, а потому директор бюро воздерживается от того, чтобы удерживать его предложением об улучшении его финансового положения».

Вот и прощай, Ведомство духовной собственности! Эйнштейн никогда не жалел о годах, проведенных в Берне. Это было счастливое время. *«Что касается атмосферы учреждения, – вспоминал он, – то она очень приятна. Взаимоотношения с экспертами дружеские и простые».*

Прощавшись с коллегами, он вышел на улицу, взглянул на знаменитую башню с часами, которую возвели сразу после основания Берна в 1191 году, а через четыреста лет украсили хитроумной вращающейся картой звездного неба.

Стрелки на часах приближались к цифре 12, и Эйнштейн приостановился, чтобы еще раз, может быть, напоследок увидеть, как из дверцы выскочит сказочная фигурка озорного шута с колокольчиками. Потом начнется парад медведей, закукарекает петух, а за ним появится вооруженный благородный рыцарь. И завершит это чудесное представление нестарейший бог времени Хронос со скипетром и песочными часами в руках...

* * *

В 1908 году перед патентоведом-экспертом Эйнштейном забрезжила вполне реальная возможность покинуть вконец постылое бюро и получить место экстраординарного профессора в родном Цюрихском университете.

Кроме него, на эту должность претендовал также товарищ Альберта по Поли Фридрих Адлер, чьи шансы оценивались весьма высоко. Однако Адлер, о котором говорили, что он человек маниакальной честности, узнал, что невольно стал конкурентом Эйнштейну и подал в университет официальное заявление:

«Если имеется возможность заполучить такого человека, как Эйнштейн, то было бы абсурдом брать на это место меня. Я должен со всей искренностью признать, что мои способности не идут ни в какое сравнение с эйнштейновскими. Нельзя терять – в угоду политическим симпатиям – возможность получить в университет человека, который может принести ему так много пользы, подняв его престиж».

Новая должность – экстраординарного профессора! – громко звучала только для несведущих. По сути же, Эйнштейн являлся лишь внештатным профессором с окладом на уровне того же эксперта II класса. Вот только жизнь в Цюрихе была дороже. И Милеве пришлось пополнять семейный бюджет, занимаясь приготовлением домашних обедов для студентов.

Профессорский дебют Эйнштейна оказался удивительно удачным. Когда он поднялся на кафедру, в поношенном костюме, со слишком короткими брюками, когда мы увидели его железную цепочку от часов, у нас появилось скептическое отношение к новому профессору, вспоминал один из слушателей Ганс Таннер. Но с первых фраз он покориł наши

черствые сердца своей неповторимой манерой чтения лекций. Манускриптом, которым Эйнштейн пользовался при чтении, служил листок бумаги величиной с обычную визитную карточку. Там были обозначены вопросы, которые он хотел осветить в лекции. Таким образом, Эйнштейн черпал содержание лекции из собственной головы, и мы оказались свидетелями работы его мысли. Насколько привлекательным был подобный метод для студентов, привыкших к стилистически безукоризненным, отфильтрованным лекциям, увлекавшим в первый момент, но оставлявшим ощущение пропасти между преподавателем и нами. А здесь мы сами видели, как возникают научные результаты – оригинальными путями. Нам казалось после лекции, что мы сами могли бы ее прочесть.

Эйнштейн должен был излагать в своих лекциях главным образом классическую физику. Но теперь, после пересмотра ее основ, классика трактовалась уже по-иному и, соответственно, подавалась в другой манере. Перед студентами представало не законченное строение, а живая строительная площадка, и Эйнштейну становилось интереснее обсуждать со своими слушателями не планировку этого здания, а проект его перестройки.

Отношения между ними сохранялись непринужденными. Обычно после еженедельного вечернего коллоквиума по физике профессор поднимал руку и спрашивал:

– Итак, кто со мной в кафе «Терраса»?

Там дискуссии продолжались, но уже совсем не в академической обстановке. И не обязательно по физическим или математическим вопросам. Но и по сугубо жизненным проблемам в том числе. Когда наступал «полицейский час» и кафе закрывалось, профессор уводил к себе домой наиболее рьяных спорщиков, и там, готовя кофе, любил озадачить их какой-нибудь математической шарадой: «Найдите-ка, друзья, ошибку».

А вот философские споры с верными единомышленниками и коллегами – Марселем Гроссманом и Фридрихом Адлером – чаще всего заканчивались на чердаке. Нельзя было докучать домашним – как-никак, в семье Эйнштейна появился еще один младенец по имени Эдуард. А кто мог помешать единоверцам под ветхой крышей дома? Разве только голуби...

Альберт полюбил одиночество, *«мучительное, когда ты молод, и восхитительное, когда становишься зрелым человеком»*.

Но, как позже выяснилось в ходе многочасового общения с Зигмундом Фрейдом, умственная потенция всегда сопряжена с потенцией сексуальной.

И в Цюрихе с Эйнштейном порой приключались курьезные эпизоды, которые друзья потом преподносили как «подвиги Геракла». Однажды во время лекции Эйнштейн отвлекся, увидев, что в аудиторию случайно забрела девица «очень легкого поведения», яркая, красивая, правда, несколько вульгарно накрашенная. Она столь призывно взглянула на лектора, что ему сразу же захотелось объявить перерыв. Что он и сделал, удалившись со «студенткой» в неизвестном направлении... Лекция затем была успешно завершена.

Старый, мудрец Макс Планк (а точнее – Макс-Карл-Эрнст-Людвиг фон Планк), бесменный секретарь Прусской академии наук и председатель общества имени кайзера Вильгельма, объединявшего крупнейшие научно-исследовательские институты Германии, был одним из первых крупных ученых, кто всерьез заинтересовался дебютными статьями некоего А.Эйнштейна из Берна, опубликованными в «Анналах физики». С превеликими трудностями он отыскал его адрес и отправил письмо мало кому известному физику со своей лестной оценкой и более чем оптимистическим пророчеством: «Предвещаются после Вашей работы такие научные битвы, сравниться с которыми смогут лишь те, что велись когда-то за коперниковское мировоззрение...»

Маститый ученый также настоятельно советовал своим коллегам, профессорам Бернского университета Грунеру и Форстеру внимательно присмотреться к «этому юноше, я хочу сказать, одному из величайших физиков нашего времени», который мечтает всецело посвящать себя науке.

Когда в немецком университете имени Карла Фердинанда в Праге открылась вакансия ординарного профессора на кафедре теоретической физики, все тот же Макс Планк выдал Эйнштейну самые блестящие рекомендации: «Работа по теории относительности, возможно, по дерзости превосходит все, что было сделано до сих пор путем умозрительных построений и с применением теории познания. Неевклидова геометрия рядом с этим – просто детская игрушка... Если теория Эйнштейна окажется справедливой, на что я рассчитываю, его следует считать Коперником XX столетия».

Поначалу утверждение на должность проходило с трудом. Министерство не соглашалось из-за моего семитского происхождения, полагал Эйнштейн. Но когда волей императора Австро-Венгрии Франца Иосифа назначение все же состоялось, новоиспеченный профессор, заполняя анкету, в графе «Вероисповедание» упрямо указал – «Моисеево».

Так Альберт весной 1911 года перебрался в Прагу. Милеве было тяжело расставаться с привычной атмосферой Цюриха, переезжать куда-то, в совершенно незнакомый, чужой город, да еще с двумя детьми на руках, и начинать, по сути, все сначала. Но, тем не менее, она последовала за мужем, своим неугомонным кочевником.

За год с небольшим работы в Праге Эйнштейн приобрел немало друзей и столько же недоброжелателей. Он всегда искал и находил единомышленников. При этом не ограничивал круг своего интеллектуального общения только преподавателями. Профессор с неподдельной заинтересованностью встречался с историками, юристами, врачами, людьми, далекими от физики и математики. Им были доступны самые общие представления о времени и пространстве, порой наивные размышления о секретах мироздания, не искореженные устоявшимися и казавшимися незыблемыми догмами. У Эйнштейна их воззрения служили исходной точкой новых физических концепций.

Вдова богатого фармацевта Берта Фанта каждый четверг превращала свой дом на Староместской площади в салон пражских интеллектуалов. Кроме удовлетворения своих духовных запросов, мадам Берта преследовала и чисто земные цели: как-никак, две дочери были на выданье.

Именно в этом салоне Эйнштейн познакомился с молодым писателем Максом Бродом, историком, специалистом по санскриту Морицем Винтерницем, философами Хуго Бергманном и Мартином Бубером. Время от времени здесь появлялся и мало кому известный чиновник страховой компании Франц Кафка, который тихонько располагался где-нибудь в углу, пил кофе и старался никому не мешать. (В то время, пожалуй, лишь Макс Брод знал, что Франц всерьез занимается литературой. Позже, кстати, именно Брод, к счастью, не исполнил посмертную волю друга – не сжег его рукописи, а опубликовал, прославив имя Кафки.)

С коллегами по кафедре Эйнштейн не находил дружеского взаимопонимания и реальной поддержки. Он видел: *«Они либо надменны, сохраняя аристократизм, либо раболепны»*. Бесил бюрократизм: *«Бесконечно количество бумаг по поводу ничего не значащего дерьма»*. Раздражала общепринятая профессорская униформа для особых случаев – треуголка с перьями, брюки с золотыми лампасами, генеральская шинель, шпага. А ко всему еще и обязательность визитов, участия в официальных церемониях и прочие докучливые фомальности. Например, всенепременное присутствие в траурных мероприятиях.

Однажды, шагая в скорбной колонне вслед за гробом совершенно не знакомого ему покойника, Альберт Эйнштейн не сдержался и шепнул на ухо какому-то профессору: «Знаете, присутствие на похоронах, по-моему, это то, что ты делаешь, дабы угодить людям вокруг... Мне это напоминает усердие, с которым мы чистим ботинки каждый день только потому, чтобы никто не сказал, что мы носим грязные ботинки».

Отрываясь по временам от работы над новой теорией гравитации, Эйнштейн любил постоять у окна своего кабинета, откуда был виден чудесный парк. По утрам там обычно прогуливались женщины, а во второй половине дня почему-то только мужчины. Кто – в оди-

ночку, погруженный в свои раздумьях, некоторые же собирались в группы, что-то бурно обсуждая между собой. Профессор с большим интересом наблюдал за этой праздной, несколько странной публикой. Когда ему объяснили, что парк принадлежит крупной психиатрической лечебнице Богемии, а эти люди ее пациенты, Эйнштейн долго смеялся: «Теперь понятно. Это – сумасшедшие люди, которые не посвятили себя квантовой теории...»

Однако не столько подобное соседство угнетало и портило ему настроение, сколько никак не складывающиеся отношения с местной профессурой, непрекращающиеся межклавные дразги и интриги.

Совсем иную атмосферу, искреннюю, теплую, творческую, он ощутил на первом съезде ведущих физиков Европы, которую в Брюсселе организовал бельгийский миллионер и меценат Эрнест Сольвей. Кого там только не было! И Планк, и Резерфорд, и Ланжевен, и Лоренц, и Пуанкаре... В перерыве между научными дискуссиями Макс Планк познакомил своего подопечного с молодой высокой женщиной в черном платье:

– Мадам Мари Кюри – мсье Альберт Эйнштейн.

Женщина улыбнулась, сняла печатки, обнажив руки, обожженные лучами радия, и сказала:

– Вот реальное подтверждение энергии. Пароль: $E=mc^2$. Верно?

– Мадам, вы очаровательны...

Они много общались, и их симпатия оказалась взаимной.

А вскоре так случилось, что Альберт был вынужден вступить за женскую честь Марии и протянуть ей дружескую руку помощи и поддержки. Сразу после сольвеевской конференции в Париже разразился грандиозный скандал, который непосредственным образом касался Мари Кюри и ее молодого возлюбленного Поля Ланжевена. Жена Ланжевена, узнав о романе своего мужа, наняла какого-то ушлого прохиндея, который проник в дом Кюри и выкрал любовную переписку. Эти письма взбешенная ревнивица передала в газеты. Разъяренная пуританская (?) французская публика и не менее высокоморальная пресса по возвращении Мари из Брюсселя устроили мадам форменную обструкцию: пикетировали ее дом, преследовали малолетних дочерей. Дошло до того, что секретарь Шведской академии написал несчастной женщине, что ей, пожалуй, не стоит приезжать в Стокгольм на торжественную церемонию вручения Нобелевской премии, которая была присуждена Марии Склодовской-Кюри за выдающиеся открытия в области химии. Но она приняла премию, хладнокровно заявив при этом, что не видит никакой принципиальной связи между своей научной работой и фактами ее личной жизни.

Восхищенный Эйнштейн тут же написал неслгибаемой женщине:

«Глубокоуважаемая мадам Кюри!

Прошу не смеяться над моим решением написать Вам. Стоит признать, ничего целесообразного я Вам сейчас не поведаю. Но меня привело в ярость свинское поведение общестственности по отношению к Вам. Я просто-напросто не могу об этом молчать – мне нужно выплеснуть эмоции. Однако я убежден, что такой тактичный человек, как Вы, особо и не обращает внимания на то, что о нем пишут, будь то хвалебная ода или же грязные сплетни, которые претендуют на то, чтобы стать сенсацией.

Должен Вам сказать, что восхищаюсь Вашим умом, энергией и харизмой, которую Вы излучаете, а также Вашей честностью, и, по правде говоря, я был неизмеримо рад возможности лично познакомиться с Вами тогда в Брюсселе. Скажу Вам больше... Все те, кто не принадлежит к числу этих рептилий, чрезвычайно счастливы, что вообще имеют привилегию быть знакомыми с такими людьми, как Вы и Поль.

Если этот скандал, связанный с Вами, будет все еще продолжаться, и эти выродки так и не оставят Вас в покое, дам Вам совет: просто закройте глаза и вообще не читайте всю эту чепуху, лучше оставьте ее тем идиотам, для которых она сострепана.

С самыми наилучшими пожеланиями Ваш искренний друг Альберт Эйнштейн».

...Тем временем Эйнштейн решил все же навсегда покинуть Прагу. Город ему очень нравился. А люди... Люди встречались разные, «совсем чужие», как сообщил он другу Бессо.

Пора возвращаться в Цюрих, в свой Поли. Летом, перед началом учебного года, к нему в гости наведася Мари Кюри вместе своими двумя очаровательными девочками – Ирен и Евой. Эйнштейн, прихватив с собой старшего сына Ганса-Альберта, предложил всей компанией совершить восхождение на удивительной красоты ледник Энгадин.

«Когда мы поднимались на кручу, – позже рассказывала отважная женщина, – и надо было внимательно следить за каждым шагом, Эйнштейн вдруг остановился и сказал: «Да, дорогая Мари, а задача, которая сейчас стоит передо мной, – это выяснить подлинный смысл закона падения тел в пустоте...» И потянулся за листком бумаги и карандашом, которые торчали у него в боковом кармане...»

Кюри его остановила: «Как бы нам сейчас не пришлось проверять этот закон на собственном примере!» Эйнштейн расхохотался, и восходители продолжили свой путь к непокоренной вершине.

Своеобразный был юмор у гениальных ученых...

Берлин, 1914 год и далее. Война объявлена. ОТО

Макс Планк, пристально следя за успехами и неудачами своего протеже, всячески настаивал на возвращении автора специальной теории относительности домой, в Германию. Благодаря его стараниям Прусская академия наук уже была готова избрать доктора Эйнштейна своим действительным членом. Берлинский научно-исследовательский центр предлагал ему возглавить физический институт на сказочных условиях: никаких административных обязанностей! Только наука! Столичный императорский университет гарантировал профессору Эйнштейну право читать лекции только тогда и столько, когда и сколько он сочтет необходимым. Возвращайтесь!

Наконец, в Цюрих на «открытую охоту» за Эйнштейном прибыла целая миссия в составе Планка и профессора Вальтера Нернста с супругами. Вновь обрисовав радужные перспективы, которые открываются перед Альбертом уже завтра, Планк поинтересовался, чем он занимается сейчас. Эйнштейн с энтузиазмом начал рассказывать ему о своих находках в области ОТО. Планк остановил его:

– Как старший товарищ я должен предостеречь вас против продолжения этой работы. Во-первых, у вас ничего не выйдет. А во-вторых, даже если вы добьетесь успеха, вам все равно никто не поверит.

Взяв минимум времени на раздумья, Эйнштейн сообщил, что дорогие гости узнают о его решении, если сегодня вечером они соизволят прогуляться по окрестностям Цюриха. Там он встретит Планка и Нернста и в случае согласия помашет им белым платочком. «Капитуляция» – маленький спектакль «режиссеру» Эйнштейну – к всеобщему удовольствию, удался. Он вообще обожал театральные эффекты. Друзья замечали: отдельные свойства актера, довольно средненького, непостижимым образом уживались в нем с его духовным величием.

Поддавшись на уговоры и щедрые посулы, Эйнштейн честно предупредил:

– Господа берлинцы, вы носитесь со мной, как с несущей рекордисткой. А я ведь сам не знаю, смогу ли еще снести хотя бы одно яйцо...

Макс Планк был человеком слова. Вместе с коллегами он составил особую рекомендацию Альберту Эйнштейну для принятия в члены Прусской академии. Уже весной он отправился в Берлин. Слава бежала впереди. Журналисты крупного немецкого издания «Die Vesicle Zeitung», расталкивая конкурентов, чуть ли не на перроне вокзала атаковали Эйнштейна, предложив рассказать читателям их газеты о своей научной работе. В статье «О принципе относительности» автор касался, главным образом, проблем заветной ОТО. Публикация была полемична и завершалась вопросом: *«Является ли очерченная выше теория относительности в основном законченной, или же она представляет только первый шаг на пути дальнейшего развития?.. Даже физики, ценящие теорию относительности, еще не имеют единого мнения».*

2 июля 1914 года Альберт Эйнштейн стал членом Прусской академии наук. Напутствуя 35-летнего академика, Планк заметил: «По-настоящему вы любите то направление работы, которое позволяет личности проявить себя с наибольшей свободой». И выразил надежду, что немецкая экспедиция, которая вот-вот будет направлена в Крым для наблюдения солнечного затмения 21 августа 1914 года, предоставит все необходимые данные для проверки расчетов по искривлению лучей света, ранее произведенных господином Эйнштейном.

* * *

Но только какая там крымская экспедиция? Какое еще солнечное затмение?! 28 июля выстрелом юнца-provokatora Гаврилы Принципа в Сараево началось вселенское затмение на Земле – Первая мировая война!

Развернувшиеся военные действия перечеркивали все прежние перспективы и надежды. Преподавательская работа оказалась никчемной. Научные институты спешно переориентировались исключительно на выполнение заказов армии.

– Простите, господа, – отнекивался от настойчивых предложений Эйнштейн, которому паспорт традиционно нейтральной Швейцарии пока еще в какой-то степени служил некой индульгенцией, – но в настоящий момент я крайне занят одной неотложной теоретической проблемой. Извините...

Еще до начала военных действий профессор осмелился обнародовать свою непримиримо пацифистскую позицию: *«Я глубоко презираю тех, кто может с удовольствием маршировать в строю под музыку, эти люди получили мозги по ошибке – им хватило бы и спинного мозга. Нужно, чтобы исчез этот позор цивилизации. Командный героизм, путы оглуления, отвратительный дух национализма – как я ненавижу все это. Какой гнусной и презренной представляется мне война. Я бы скорее дал разрезать себя на куски, чем участвовать в таком подлом деле. Вопреки всему я верю в человечество и убежден: все эти химеры исчезли бы давно, если бы школа и пресса не извращали здравый смысл народов в интересах политического и делового мира».*

Макс Планк и Альберт Эйнштейн оказались по разные стороны баррикад. Добро бы, если бы сугубо научных...

Коллеги по Прусской академии, используя имя прославленного ученого, заявили о своем бесспорном долге перед фатерляндом, о священной миссии Германии и о необходимости новой организации Европы. Около сотни интеллектуалов выступили с воззванием к немецкой нации в поддержку вторжения Германии в нейтральную Бельгию, именуя врага «русскими ордами, объединившимися с монголами и неграми для развязывания войны против белой расы». Авторы ура-патриотического обращения заклинали, предупреждая, что без германской военной силы «немецкая культура будет стерта с лица Земли. И мы как культурная нация – нация, которая дорожит наследием Гете, Бетховена и Канта, не менее священным, чем домашний очаг, – будем вести эту борьбу до самого конца».

Альберт Эйнштейн не собирался отмалчиваться. Вместе с друзьями-единомышленниками он подписал «Обращение к европейцам» с призывом объединить усилия тех, кому действительно дорога европейская цивилизация, стремиться к учреждению «Европейской лиги». Первым шагом на этом пути стало создание пацифистской организации «Лига за новое общество».

Другу Паулю Эренфесту Эйнштейн с горечью в сердце писал: *«Международная катастрофа тяжело отзывается во мне, человеке интернациональном. Тот, кто живет в это «великое время», начинает осознавать, что принадлежит сумасшедшему, опустившемуся виду, которому к тому же дарована свобода воли. Если бы был где-нибудь остров для доброжелательных и светлых людей, вот там хотел бы я быть пламенным патриотом».*

Снисходительно именуя национализм «детской болезнью, корью», Эйнштейн, видимо, все еще не забывая своих наблюдений за пациентами Богемской лечебницы, замечал: *«Я начинаю привыкать к теперешнему нездоровому ажиотажу, ибо сознательно отстраняюсь от всего, чем озабочено наше сумасшедшее общество. И в сумасшедшем доме служитель может жить спокойно. С сумасшедшими приходится считаться, ведь дом, в котором*

живешь, построен для них. Выбор же дома отчасти зависит от нас, хотя, впрочем, разница между всеми этими заведениями куда меньше, чем нам представляется в молодости».

Лидеру пацифистов того времени, знаменитому французскому писателю Ромену Роллану Эйнштейн с энтузиазмом и отчаянием написал: *«Из газет и при содействии союза «Новое Отечество» я узнал о смелости, с которой Вы выступили, чтобы устранить то тяжелое, что разделяет сейчас немецкий и французский народы. Это заставляет меня выразить Вам чувство моего горячего уважения. Пусть Ваш пример пробудит других людей от ослепления, которое охватило столько умов... Поблагодарят ли будущие поколения нашу Европу, в которой три столетия самой напряженной работы привели лишь к тому, что религиозное безумие сменилось безумием националистическим? Даже ученые различных стран ведут себя так, будто бы у них ампутировали головной мозг...»*

Я предоставляю в ваше распоряжение мои слабые силы на тот случай, если вы сочтете разумным воспользоваться ими, учитывая мои связи с германскими и иностранными академиями.

Глубоко преданный вам Альберт Эйнштейн».

Когда осенью 1915 года они встретились в отеле на берегу Женевского озера, писатель был поражен: «Необычайно вольны его суждения о Германии, в которой он живет. Не всякий немец обладает такой свободой суждений. Другой человек страдал бы, чувствуя себя духовно изолированным в этот страшный год. Этот – нет. Он смеется».

Нет, не только смеется. Эйнштейн все больше задумывался над «проклятыми вопросами»: *«Как могло случиться, что эпоха, столь любящая культуру, могла оказаться так чудовищно безнравственной? Все больше и больше убеждаюсь, что милосердие и любовь к ближнему – ценнее и выше всего остального... Весь наш хваленый технический прогресс – да и вся наша цивилизация – подобны топору в руках психически больного преступника».*

Тем не менее, ученый сторонился каких-либо организованных форм борьбы за мир, неуступчиво отказываясь «ходить строем» даже в том самом союзе «Нового отечества», в создании которого принимал самое деятельное участие. У него, с юных лет ненавидящего любые формы насилия – Zwang, пацифизм имел, скорее всего, инстинктивную природу, нежели являлся плодом длительных интеллектуальных раздумий. Отвечая по данному поводу литературному секретарю Льва Толстого В. Булгакову, Эйнштейн писал: *«Понятие «насилие» является столь нечетким и общим, что, в конечном счете, под него попадает все – потому что мы причиняем вред всему живому... всем тем, что мы делаем... То, что мы делаем с чувством любви к творению Божьему, – это для меня «хорошо». Радоваться радостям ближнего и страдать его страданиям – вот лучшие ценности, которыми всегда можно руководствоваться... Считаю войну мерзкой хотя бы из-за тех чувств, которые делают ее возможной».*

Его Отечеством оставалась наука. Конечно, ученый суеверно кокетничал, когда говорил, что не стоит сравнивать его с «несушкой-рекордисткой». Уже осенью 1915 года вышла в свет первая статья Эйнштейна, посвященная общей теории относительности (ОТО). Далее последовал еще ряд серьезных публикаций, которые окончательно обосновали самую выдающуюся, по признанию мировой общественности, научную идею XX века.

Он пытался более-менее популярно объяснить суть ее в книге «О специальной и общей теории относительности (общедоступное изложение)».

Итак, пространство деформируется объектами, и чем массивнее объект, тем больше эффект. Степень деформации или искривления пространства выше всего вблизи объекта, и становится все меньше и меньше по мере того, как расстояние от него увеличивается. Представьте, к примеру, что пространство – упругая резиновая простыня. Помещенный на нее камень, конечно, заставит ее прогнуться или деформироваться в этом месте. И чем тяжелее

будет камень, тем, естественно, большим станет прогиб. Шарик, катящийся по поверхности простыни, будет отклоняться, проходя около камня. И по мере приближения к камню это отклонение будет расти. Если бы шарик смело прошел очень близко к камню, он стал бы многократно вращаться вокруг него.

Отсюда вывод: точно так же и в нашей Вселенной излучение и материальные объекты, проходя около массивных объектов, отклоняются кривизной пространства. Именно поэтому Земля вращается по орбите вокруг Солнца, а Луна – вокруг Земли, двигаясь по линии наименьшего сопротивления в поле, создаваемом Землей.

Понятно, господа? Да как сказать... Во всяком случае, сенатор Брэндиджи признавался: «У меня такое ощущение, как будто я бесцельно пространствовал с Алисой по Стране чудес и участвовал в чаепитии с Безумным Шляпником».

Время от времени Эйнштейна охватывало вполне объяснимое уныние: *«Меня постоянно угнетают безмерно трагические события, обременяющие нашу жизнь. Раньше я спасался, погружаясь в физику, но теперь уже и это не помогает».*

Кое-кто посмеивался, считая пустой тратой драгоценного времени внезапно возродившийся у Эйнштейна в период интенсивных исследований по ОТО интерес к экзотическим лабораторным экспериментам. А он писал другу Бессо: *«Эксперимент скоро закончится... Изумительная работа... Какую же изощренность демонстрирует природа, когда пытаешься проникнуть в ее тайны... Я все еще увлекаюсь проведением опытов».* Речь шла о гиромангнитных явлениях микрочастиц – о повороте свободно подвешенного образца при его намагничивании внешним магнитным полем.

Практические уроки Бернского патентного бюро все-таки сказывались. С Лео Сциллардом Эйнштейн запатентовал три типа холодильных машин, насосы для них, компрессоры. С Мюзамом измерял диаметр капилляров. После завершения работы с Гольдштейном над созданием слухового аппарата Эйнштейн выразил свои эмоции в стихотворной форме:

Я понял,
Что мыслителю порой
Немного техники
Несет отраду и покой...

Danke schon, господин директор Галлер!

Законная супруга по-прежнему оставалась в Цюрихе, обосновавшись с сыновьями в пансионате. На жизнь не жаловалась, тем более, что Альберт время от времени присылал из Берлина переводы. А когда этих денег не хватало, Милева подрабатывала уроками математики и игры на фортепьяно. Альберт писал ей: *«Я охотно посылал бы тебе больше денег, ноу меня самого их не осталось. Сам я живу более чем скромно, почти по-нищенски. Только так мы сможем отложить что-то для наших мальчиков».*

Что поделаешь, ведь жить ему приходилось, по сути, на две семьи, деля кров с кузиной Эльзой. Последняя, конечно, высказывала претензии Альберту, утверждая, что Милева бессовестно помыкает им как хочет. На что Эйнштейн решительно возражал: *«Я с полной убежденностью заявляю Вам, что считаю себя вполне достойным представителем своего пола. Надеюсь, у меня когда-нибудь появится возможность Вас в этом убедить».* И утешал страдающую любовницу: *«Отсутствие Милевы мне так приятно. Как ты видишь, я тоже получаю удовольствие от брака».*

Отдадим должное стойкости и настойчивости Милевы, которая из последних сил стремилась сохранить распадающиеся брачные узы. Она даже заботливо предупреждала ненавистную соперницу-разлучницу: *«Надобно тебе знать, что ты – бесстыдная потаскуха, а посему желаю тебе всего самого наихудшего. Не надейся, что твоя судьба сложится лучше, чем моя».*

Вся в слезах Эльза прибежала к Альберту:

– Прочти, что пишет твоя благоверная!

Эйнштейн мельком взглянул на письмецо Милевы и приобнял плачущую Эльзу:

– Дорогая, нет никаких причин, чтобы у тебя болела голова из-за моей жены. Еще раз заверяю тебя, что этой проблемы не существует. У нас с ней давным-давно разные спальни. И я рассматриваю свою так называемую жену в качестве служанки, которую я не могу уволить. Понятно?..

А друзьям в порыве откровения признавался: *«Когда я живу с Милевой, у меня ощущение, будто у меня под носом говно».*

Эйнштейн был бесконечно благодарен Эльзе за то, что она никогда не пересекала проведенную им самим демаркационную линию между его научным миром и семейной жизнью. Это давало Эйнштейну свободу и возможность в любую минуту оставаться наедине с самим собой. Период некоторого творческого застоя в научных поисках, который случился с ним после расставания с Милевой, изнурительной болезни и обретения новой заботливой спутницы сменился всплеском новых открытий. В конце 1915 года он сообщал одному из коллег: *«Последний месяц был одним из самых тревожных и тяжелых в моей жизни, но и одним из наиболее успешных... Я понял, что мои прежние уравнения гравитационного поля были совершенно необоснованными. После того, как у меня исчезло всякое доверие к прежней теории, я ясно увидел, что удовлетворительное решение можно найти только на основе идеи Римана. К великой моей радости, выяснилось, что, кроме решения Ньютона как первого приближения, во втором приближении появилось смещение перигелия у Меркурия. Для отклонения света Солнцем получилось значение, вдвое больше прежнего... Как только вы изучите общую теорию относительности, вы убедитесь в ее правильности. Поэтому я ни слова не скажу в ее защиту...»*

Всего за годы войны он опубликовал, кроме книги об ОТО, еще около пятидесяти статей, что было просто ошеломительным результатом.

Работая, он забывал обо всем на свете, об отдыхе, о сне, о еде. Неожиданно навестившая отчима Марго, сразу отправилась на кухню.

– Альберт, а что это?!

В кастрюле с супом великий экспериментатор варил яйцо.

– Обед, – ответил он. – Сразу будет и первое блюдо, и второе. Попробуй, вкусно!

Беспорядочный образ жизни, неважное питание печально сказывались на общем состоянии здоровья ученого, особенно терзали его болезненные приступы, связанные с расстройством желудка, и прочие малоприятные проблемы пищеварения. Плюс ко всему потом добавилась желтуха и обострение болезни печени. Все заботы об Альберте взяла на себя Эльза, окружив беспокойного пациента материнским вниманием и заботой. Порой даже чрезмерными.

В конце концов, Эйнштейн все-таки решился проинформировать Милеву: *«Поскольку наша раздельная жизнь прошла проверку временем, я прошу тебя о разводе»*. При этом заверял: *«Обещаю тебе, что когда получу Нобелевскую премию, то отдам тебе все деньги. Ты должна согласиться на развод, в противном случае ты вообще ничего не получишь»*.

Суд признал их развод в феврале 1919 года на основании разъяснительного документа, в котором Эйнштейн был вынужден сознаться в супружеской неверности и рукоприкладстве. Но позже он написал Милеве: *«С течением времени ты убедишься, что нет лучше экс-супруга, чем я, ибо я верен и честен»*. А также просил не писать ему, пока она всерьез не соскучится по нему. На что Милева ответила: *«Я все ждала и ждала скуки, но так и не дождалась – и не знаю, что с этим делать...»*

* * *

Члены Нобелевского комитета оказались в затруднительном положении. При обсуждении кандидатур в области физики за 1917 год сразу три авторитетных ученых высказались в пользу Альберта Эйнштейна. При этом французский физик Пьер Вейс свою рекомендацию сформулировал в возвышенно-поэтическом стиле: *«за его попытки обуздать неизвестное»*. Но, не отрицая несомненных заслуг физика-теоретика, ученые отмечали: *«Теория относительности Эйнштейна независимо от ее возможных достоинств в других контекстах, не заслуживает Нобелевской премии»*. Иными словами, теория нуждалась в практическом подтверждении. Поскольку других кандидатов не было, а том году присуждение премии было отложено.

Союзником Эйнштейна выступил секретарь Британского Королевского астрономического общества Артур Эддингтон. Английский математик и астроном, воодушевленный теорией Эйнштейна, в частности, об искривлении световых лучей под воздействием гравитации, даже привнес в нее некоторые свои идеи.

Оставалось ждать полного солнечного затмения, чтобы сделать фотографии звездного света. Расчеты показывали, что наблюдать это удивительное природное явление возможно будет только в тропиках. Заблаговременно были подготовлены две экспедиции астрономов – одна под руководством Эндрю Кроммелина отправилась в местечко Собраль на северо-востоке Бразилии, другая, которую возглавил сам Артур Эддингтон, – на остров Принсипи у африканского побережья. Перед отъездом Эддингтон писал: *«Эти экспедиции либо впервые докажут, что свет имеет вес (т. е. дадут значение Ньютона), либо подтвердят фантастическую теорию неевклидова пространства, выдвигаемую Эйнштейном, либо принесут результаты, которые будут иметь еще более далеко идущие последствия – покажут всякое отсутствие искривления»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.